Хорошая встреча

Валентина Васильевна Чудакова

SHOUT
SHARE
IT

- Чудакова Валентина Васильевна

Чудакова Валентина Васильевна Хорошая встреча

Валентина Васильевна Чудакова

Хорошая встреча

В отделе кадров штаба армии добродушный полковник Вишняков встретил меня как старую знакомую.

- Как настроение? - спросил. - Выздоровела?

- Так точно! - отвечаю по-уставному и добавляю от себя: - Все зажило как на собаке.

- Не везет тебе, дочка, - посочувствовал он мне. - Твоя Сибирская дивизия знаешь где сейчас?

- Второй раз на войне осиротела. После первого ранения в свою часть так и не вернулась. А теперь вот опять...

- Да-а-а, - задумчиво протянул мой собеседник, легонечко барабаня пальцами по крышке стола. - Боевые знамена... полковая семья... окопное братство... Да ты никак плакать собралась? Опомнись, мать-командирша! Да нам ли горевать? Мы с тобой - парни с усами! Да, а главное-то и забыл! Тебе же очередное звание присвоено! Поздравляю, товарищ старший лейтенант! Ты назначена в дивизию полковника Переверткина на должность командира пулеметной роты. Что-то радости на твоем лице не вижу!

- Да чему ж тут радоваться?! - возмутилась я. - В чужую дивизию, да еще и на роту! Командиром взвода опять - еще куда ни шло, а с ротой не справлюсь! Не-е-ет!..

Полковник Вишняков поглядел на меня насмешливо:

- Ишь ты, сирота! Не прибедняйся. Вон Евдокия Бершанская авиационным полком командует, да и то не плачется.

- Сравнили! - вскинулась я. - Да ведь ей не восемнадцать лет! И у нее в полку все женщины.

- Думаешь, ей легче? - усмехнулся начальник кадров и не по возрасту пружинисто поднялся из-за стола. - Все. Точка. Сама понимаешь - приказ есть приказ. Ни пуха...

Свою новую дивизию я догнала уже на белорусской земле, на Оршанском направлении. Фашисты удерживали подступы к Орше, можно сказать, зубами, по десять раз на дню контратаковали наши наступающие части. Дивизия, застряв на промежуточном рубеже, несла значительные потери. Об этом мне сказал комдив - полковник Переверткин. Он был очень озабочен - спешил, наш разговор и десяти минут не занял. Он сказал:

- Я верю Вишнякову. Это мой старый и испытанный друг. Да и

твое боевое прошлое кое-чего стоит. Направляю тебя в полк майора Никифорова. Он уже предупрежден. Будешь воевать в батальоне капитана Бессараба. Геройский комбат, да и парень интеллигентный. Поладите. - И протянул мне правую однопалую руку, которую мне пришлось пожать обеими руками.

С командиром полка разговор был и еще того короче. Я его даже и не разглядела как следует в полутемном блиндаже. Только и запомнились крупные, пристальные серые глаза в жестких ресницах.

Положение было скверным. Резко похолодало. Зарядил нудный дождь и лил третьи сутки подряд. В окопах солдаты стояли по колено в воде. Отсыревшие пулеметные ленты намертво удерживали патроны в гнездах. Пулеметы то и дело отказывали, покрываясь жирной ржавчиной. Эти неутешительные сведения и сообщил мне командир полка.

На передний край меня сопровождал молоденький связной из штаба полка. В кромешной темноте мы пробирались почти на ощупь, кое-как ориентируясь по тусклым вспышкам ракет, которые, едва взлетев, с шипением гасли под косыми струями дождя. Мы натыкались на обрывки колючей проволоки, по пояс проваливались в воронки и заброшенные окопы, переполненные холодной водой. Трижды попав под минометный налет, вывалялись в раскисшей глине. На КП батальона ввалились грязные и мокрые с головы до пят.

В просторном блиндаже (сразу видно, трофейном - фашисты нашего леса не жалели) было человек пятнадцать, преимущественно молодежь. Но самым молодым, пожалуй, выглядел комбат. Он, капитан Бессараб, увидев меня, заметно обрадовался: по-мальчишески большой рот раздвинулся в широкую улыбку, карие глаза возбужденно заблестели.

- Живем, братцы! - бодро воскликнул он. - Медицина к нам пожаловала...

Но когда я по-уставному доложила о своем назначении, улыбку с лица комбата как ветром сдуло.

- Только мне этого недоставало!..

- Товарищ капитан, послушайте, вот приказ...

Но комбат Бессараб ничего не желал слушать. В запальчивости кричал, что он не признает такие приказы! Что ему нужен настоящий командир пулеметной роты, а не карикатура, и что если штабники-юмористы этого не понимают, то он найдет и на них управу...

Наконец он выкричался и замолчал, тяжело дыша от возбуждения и вытирая взмокший лоб рукавом гимнастерки. В блиндаже повисла тишина недобрая, настороженная. Я опять

попыталась заговорить, но не тут-то было. Комбат грохнул кулаком по столу:

- Молчать!

Ах ты, зазнайка! Ну сколько ему лет? Двадцать! От силы двадцать два. Ему, видите ли, можно батальоном командовать, а мне в восемнадцать, выходит, и ротой нельзя? Даже не выслушал! Орет, как будто его шилом ткнули. Ничего себе интеллигентный парень! Ну, я тебе сейчас вы-дам!..

Но тут вспомнился мне мудрый совет комиссара Юртаева, который меня не раз учил: "Никогда не спеши выплеснуть гнев или обиду. Сначала остынь. Сосчитай медленно до десяти. А потом и атакуй. А лучше всего иронически. Ничто так не убивает хамство, как ирония".

Мне показалось, что мой голос прозвучал достаточно спокойно и даже иронично, когда я сказала, обращаясь ко всем присутствующим:

- Братцы, а здесь если и есть баба, так это ваш комбат. Слышали, как он причитает и плачется? Доживу до восьмого марта - непременно поздравлю его с Международным женским днем!

И тут после секундной заминки громыхнул общий хохот. Мне показалось, что с потолка песок посыпался, да и сам комбат не сдержал усмешки.

Не успел он и рта раскрыть - зазуммерил полевой телефон. Связист, испуганно округлив галочьи глаза, шепотом позвал его:

- Сам! Пятидесятый...

- Комдив? - точно не веря, переспросил комбат и взял трубку.

Разговор был коротким и отрывочным. "Есть! Так точно! Будет сделано!" - лихо рубил комбат, однако лицо его при этом было недовольным. Передав трубку связисту, хмуро буркнул:

- Чего хочет женщина - того хочет бог, то бишь черт. - И позвал кого-то: - Соловей, где ты там?

- Туточки, товарищ капитан! - звонко отозвался из темного угла мальчишеский голос. С нар проворно поднялась щуплая фигурка.

- Прыгай сюда! - приказал комбат. - Назначаю тебя связным нового командира пулеметной роты, - кивок в мою сторону. - Проводишь старшего лейтенанта на позиции.

- Товарищ капитан, дозвольте... - захныкал было Соловей.

- Не позволяю! - отрезал комбат. - Ступай. - И ко мне: - Все ясно?

Мне пока было ясно одно: можно сказать, без выстрела выиграла сражение. Но тем не менее я бодро ответила: "Так точно!" - и, не удержавшись, гулко бухнула негостеприимной

дверью. На улице сразу же обратила внимание на недовольное пыхтенье Соловья. Спросила:

- Что с тобой?

- Вас бы в мою шкуру, - плаксиво отозвался связной. - Ребята задразнят... Скажут, денщик бабий...

- Ничего, переживешь! - насмешливо утешила я и, осердясь, прикрикнула: - Да что ты, в самом-то деле? Раскис, как... - Едва не вырвалось, как у комбата, - "баба". И тут же смягчилась: ведь парнишка, вероятно, и в самом деле огорчен. Дружески похлопала Соловья по худенькому плечу: - Ладно. Как-нибудь на досуге разберемся, кто баба. А сейчас - шире шаг! Делом надо заниматься, товарищ Соловей.

Да, нелегко начиналась моя новая служба.